

UNITED WISDOM

Складка единого поля

Мир и сознание

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W-07-X01 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Складка единого поля

Что, если отдельное «я» - это способ, которым единое сознание переживает мир?

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

> *«Единое есть всё и ни одна из вещей».*
>
> *Плотин. «Эннеады», V.2.1. Перевод фрагмента с английского перевода Стивена Маккенны. Первоисточник.*

О чём эта статья

Сегодня мне пришёл образ, который на несколько мгновений изменил привычное ощущение себя. Я представил бескрайнюю ткань. В одном месте она приподнимается, образуя складку, и эта складка обретает способность чувствовать. У неё появляется собственный взгляд, память, имя. Она говорит «я» и постепенно начинает считать себя отдельной от всего остального. Но ткань нигде не разрезана.

Из этого образа выросло предположение: сознание может быть единым всепронизывающим основанием, а отдельная жизнь - его местным проявлением. Затем неподвижная ткань в моём воображении задвигалась и стала похожа на море. Что, если мы - его волны? Каждая живёт свою жизнь, хотя ни на мгновение не перестаёт принадлежать целому. И, возможно, словом «душа» можно назвать именно такую неповторимую жизнь, переживаемую изнутри.

Хочется понять, куда ведёт эта мысль. Что происходит, когда волна утихает? Возможно ли новое проявление, и будет ли оно моим? А главное - как такой взгляд меняет отношение к человеку рядом? Дальше я буду развивать эту догадку, сверяя её с физикой, философией и духовными традициями. Их ответы помогут точнее поставить вопросы, но не превратят образ в доказательство.

I. Когда ткань обрела точку зрения

Складка отличается от ткани своей формой, но не материалом. Именно это различие сначала и захватило меня: быть различимым ещё не значит существовать независимо.

Можно представить ту же мысль иначе. Будто из поверхности густого прозрачного геля осторожно вытянули каплю. Она поднялась, обрела очертания, но осталась соединённой с основанием. Внутри образа важно не движение вверх. Важно, что возникает местная форма без окончательного отделения. Рука пока нужна только воображению; вопрос, есть ли у происходящего намеренный создатель, оставим на потом.

Теперь добавим к форме переживание. Складка чувствует натяжение, замечает соседние изгибы, сохраняет следы того, что с ней произошло. Мир впервые открывается из определённого положения. Отсюда видно одно и не видно другого. Здесь возникает боль, здесь остаётся память о прикосновении. Появляется вполне обоснованное ощущение: всё это происходит со мной.

Мне кажется, похожим образом мы и обнаруживаем себя в жизни. Представим обычное утро: человек ещё не успел вспомнить дела, но уже чувствует свет за веками, тяжесть одеяла, положение руки. Затем возвращаются имя, вчерашний разговор, тревога о предстоящем. Собственная история как будто собирается вокруг уже возникшего «здесь».

В моей гипотезе тело участвует в создании такого «здесь». Сознание получает конкретную перспективу благодаря определённой организации живого. Поэтому человек не похож на сосуд, в который налили порцию общего вещества. Через это тело мир становится виден отсюда: с моими воспоминаниями, привычками, способностью замечать одно и пропускать другое.

Когда форма исчезает, прекращается поддерживаемая ею перспектива. Но из этого ещё нельзя вывести судьбу самого основания. Внутри предложенного образа ткань остаётся тканью, даже когда конкретный изгиб больше не существует. А если новая складка становится возможной, вопрос повторного проявления возникает заново.

Так появляется весь замысел: общее основание принимает форму, форма обретает собственное «я», а затем условия, которые её поддерживали, исчезают. Возможно, когда-нибудь возникает другое проявление. Образ складки позволяет удержать эту мысль целиком. Но у него есть слабость: ткань легко вообразить неподвижной, словно жизнь можно остановить и рассмотреть со всех сторон. А мы всё время меняемся. Поэтому мне хочется добавить к складке движение.

II. Волна, которая говорит «я»

Представьте, что вы стоите у моря и следите за одной волной. Вот она едва заметно приподнялась. Потом стала выше, поймала свет, вытянулась в длинный гребень. Вы можете показать на неё и сказать: «Вот эта». Через несколько секунд она изменится, но вы всё ещё будете узнавать движение, за которым следите.

Где заканчивается эта волна и начинается море? У неё есть очертания, однако нельзя провести вокруг неё границу и вынуть её из воды, сохранив волной. Её отдельность существует как различие внутри общего движения. Она вполне настоящая: может качнуть лодку, коснуться берега, сбить человека с ног. Принадлежность морю не делает её выдумкой.

Складка помогает увидеть связь формы с основанием. Волна добавляет к этому жизнь во времени. Она существует, пока происходит: поднимается, движется, меняется, встречает другие движения. Даже в самый узнаваемый момент её нельзя свести к неподвижному контуру. В этом она для меня ближе к человеческому «я».

Посмотрите на свою детскую фотографию. Взгляд знакомый, но многое в этом ребёнке уже трудно вспомнить. Он боялся того, над чем вы теперь улыбаетесь, мечтал о другом, ещё не знал людей, без которых вы сегодня не представляете жизни. И всё-таки вы говорите: «Это я». Внутри одной биографии оказываются очень разные состояния. Образ волны позволяет представить эту связь: узнаваемость может сохраняться через изменение. Сам по себе он, конечно, ещё не решает вопрос, что именно делает человека тем же человеком.

Теперь сделаем тот же мысленный шаг, что со складкой: представим волну, способную чувствовать. Тогда у общего движения появится внутренняя сторона. Подъём будет переживаться как усилие, встреча - как событие, опасность - как страх. У волны возникнет собственная история. «Со мной что-то происходит» постепенно превратится в «я такой». А потом, возможно, появится и более сильная уверенность: «Я существую сам по себе».

Так я могу заново подойти к слову «душа». В рамках этой гипотезы каждая сознательная волна могла бы быть душой: неповторимым способом, которым общее основание проживает отдельную жизнь. Не нужно воображать внутри неё ещё одного маленького наблюдателя. Душой здесь я называю саму жизнь изнутри - способность чувствовать, откликаться, любить, страдать и собирать пережитое в собственную историю. Это предложенное мной значение слова; оно не заменяет его религиозных значений и не доказывает бессмертия.

В этой формулировке особенно важно выражение «сознательная волна». Я не предполагаю, что любой всплеск воды или любое физическое колебание обладает внутренним миром. Море здесь помогает представить отношение части и целого. Какие условия делают некоторую форму способной переживать, ещё предстоит объяснить.

При таком взгляде индивидуальность получает вполне определённое место. У каждой волны свой путь, свои встречи, своя история изменений. Общее основание не превращает их в одинаковые экземпляры. Одну нельзя заменить другой только потому, что обе принадлежат морю. Точно так же любовь к человеку обращена к нему: к его голосу, способу молчать, неожиданным ответам, к тому, что случилось между нами.

А эго можно представить как момент, когда волна принимает свой нынешний контур за всё, чем она является. Ей кажется: пока я удерживаю эту высоту, эту форму, это превосходство, я существую надёжно. Любое изменение становится угрозой. Но

движение невозможно сохранить, запретив ему меняться. В человеческой жизни это напоминает попытку навсегда остаться тем, кем тебя однажды признали: сильным, успешным, незаменимым.

Здесь у образа появляется освобождающая сторона. Можно дорожить своей жизнью, не требуя от неё неподвижности. Можно измениться и не считать каждое изменение предательством себя. Можно признать другого столь же настоящим, хотя он видит мир совсем иначе.

И когда одна волна утихает, море не обязано замирать целиком. Другие продолжают подниматься. В исходной догадке это означает, что завершение одной формы сознания не равно исчезновению предполагаемого общего основания. Но следующий вопрос остаётся острым: если возникнет новая волна, что позволит назвать её продолжением именно этой? К нему мы ещё вернёмся. Пока достаточно увидеть: волна никогда не была снаружи моря, даже когда казалась себе отдельной.

III. Что физическое поле позволяет вообразить

Современная физика помогает расстаться с привычкой считать каждую различимую вещь полностью самостоятельным предметом. Но она не даёт готовой теории единого сознания.

В квантовой теории поля элементарные частицы описываются через возбуждения соответствующих полей. Например, бозон Хиггса связан с полем Браута - Энглера - Хиггса; именно так эту связь объясняет CERN. Привычный образ маленького самостоятельного шарика здесь оказывается недостаточным: для описания частицы нужно говорить и о поле. При этом полей несколько: физическая теория не утверждает, что все частицы - складки одного сознательного вещества.

Вакуум в таком языке тоже не равен философскому ничто. В простом описании это состояние поля с наименьшей энергией. Оно имеет структуру и квантовые свойства. В лекциях Дэвида Тонга вакуум и частицы рассматриваются внутри одной теории. При подходящих физических условиях возможно рождение частиц. Но это происходит в мире, где уже есть поля и действуют физические законы. Поэтому фраза «частицы рождаются из пустоты» легко сбивает с толку: за словом «пустота» здесь не стоит абсолютное отсутствие всего.

И всё же этот сдвиг воображения важен. Мы привыкли начинать с предмета, а затем спрашивать, с чем он связан. Поле позволяет начать с основания и спросить, при каких условиях оно обнаруживается определённым образом. Встреча с таким подходом и подтолкнула меня к мысли о сознании.

Что, если с переживанием происходит нечто похожее? Что, если при рождении появляется конкретный способ чувствовать, тогда как возможность сознания принадлежит более глубокому устройству реальности? В таком предположении всепроникающее основание не обязано иметь повсюду человеческие мысли. Там, где нет условий для частной перспективы, может не быть ни имени, ни биографии, ни наблюдателя, похожего на нас.

Здесь слово «поле» обозначает предполагаемую непрерывность и общность основания. Чтобы оно стало физическим термином, понадобились бы определённые величины, законы связи с материей и проверяемые предсказания. Пока этого нет, образ поля остаётся философским предложением. Сравнение с волной не меняет этого положения. Мы ещё не обнаружили частоту души, длину волны личности или прибор, который их измеряет. Пока образ помогает спросить, как возможно различие без полной обособленности.

IV. Почему я не чувствую вашу боль изнутри

Самая трудная часть гипотезы начинается там, где единое основание должно объяснить множество отдельных переживающих существ. Одной общей ткани для этого недостаточно.

Близкое направление в философии называется космопсихизмом. В статье 2015 года Итай Шани предлагает рассматривать космическое сознание как основу индивидуальных сознаний. Обычно мы спрашиваем, как из множества частей получается сознательное существо. Здесь вопрос поворачивается: как из сознательной природы целого возникают отдельные «я»?

Для моей мысли здесь существенно слово «единое». Два стакана могут быть сделаны из одного вида стекла, оставаясь разными предметами. Если все сознания лишь обладают общей природой, из этого ещё не следует существование одного сознательного целого. Гипотеза складки предполагает больше: не только сходство материала, но общность самого основания. Этот дополнительный шаг и нуждается в аргументах.

Представим разговор двух близких людей после тяжёлого дня. Один говорит: «Ты же понимаешь, как мне было». Другой понимает обстоятельства, угадывает чувства, вспоминает похожее. Но первая боль не переселяется к нему вместе со своей непосредственностью. В комнате по-прежнему существуют две истории переживания. Даже большое сочувствие не превращает их в одну.

Вопрос Томаса Нагеля «Каково быть летучей мышью?» помогает увидеть эту особенность: опыт дан существу из его собственной перспективы. Описание поведения и устройства организма не равнозначно обладанию его опытом. А Дэвид Чалмерс в

«Facing Up to the Problem of Consciousness» отделяет объяснение функций от вопроса, почему их осуществление сопровождается субъективным переживанием.

Но нерешённость этого вопроса не доказывает именно мою гипотезу. Она оставляет пространство для конкурирующих объяснений. Космопсихизм должен показать, как из общего основания возникают отдельные центры опыта и почему их содержание не становится общедоступным.

Здесь море даже может обмануть воображение. В обычном море движения встречаются и влияют друг на друга; из этого совсем не ясно, почему у сознательных «волн» должны быть закрытые внутренние миры. Почему я знаю свою боль непосредственно, а о вашей могу узнать лишь через встречу с вами? Красивая общая картина оставляет этот самый личный вопрос открытым. Чтобы продвинуться дальше, придётся объяснить устройство границы между переживаниями.

V. Эго начинается со слова «моё»

Когда я говорю «мне больно», я уже различаю себя и другого. Но в этом ещё нет эгоизма. Ощущение отдельного «я» позволяет понять, кому нужна помощь, кто чего хочет и кто за что отвечает. Оно само по себе не заставляет ставить себя выше остальных.

Уильям Джеймс в девятой главе «Принципов психологии» замечает: «Моя мысль принадлежит к другим моим мыслям». Он описывает личный характер потока сознания. Мои воспоминания связаны с моими ожиданиями, моя боль меняет мои действия. Джеймс здесь скорее усиливает трудность для единого сознания: чужие мысли не входят в мой поток только потому, что мы сидим рядом.

Шон Галлахер предлагает полезное различение минимального и повествовательного «я». Первое - это непосредственное чувство: я вижу, я двигаюсь, это происходит со мной. Второе - рассказ о том, кто я такой, каким был и каким надеюсь стать. Чувствовать движение своей руки и считать себя человеком, который «никогда не сдаётся», - не одно и то же. В обычной жизни оба слоя тесно переплетены, но их различение избавляет слово «эго» от излишней туманности.

Даже чувство принадлежности тела не является совершенно неподвижным. В известной работе 1998 года Мэттью Ботвиник и Джонатан Коэн исследовали иллюзию резиновой руки: при согласованных прикосновениях к видимой искусственной и скрытой настоящей руке может возникать ощущение, что искусственная рука принадлежит собственному телу. Это узкий эксперимент о восприятии тела, а не обнаружение выхода сознания в общее поле.

В образе складки собственная перспектива необходима. Иначе невозможно было бы различать, кому больно, кто обещал прийти, кто устал и кому требуется помощь. Ошибка начинается с более сильного вывода: раз переживание моё, то и вся жизнь существует прежде всего для обслуживания меня.

Допустим, человек слышит от партнёра: «Сегодня я хочу побыть один». Можно воспринять это как сообщение о чужом состоянии. А можно немедленно превратить в доказательство собственной ненужности и потребовать опровержения. Во втором случае другой становится инструментом поддержания моего образа себя.

Складка как будто пытается доказать своё право на существование собственной высотой. Ей мало быть; ей нужно быть выше. Но из гипотезы единства не следует требование расправить человека насильно. Задача скромнее: замечать момент, когда полезное чувство «это происходит со мной» превращается в притязание «всё должно происходить ради меня».

VI. Что удерживает форму

Если складка сознания существует благодаря условиям, тело и мозг должны занимать в этой гипотезе центральное место. Назвать их внешней оболочкой готового наблюдателя было бы слишком легко.

Вспомните, как по-разному может ощущаться один и тот же разговор, когда вы выспались и когда едва держитесь на ногах. Слова собеседника те же, а терпения, внимания и сил услышать их может быть совсем другое количество. Такой повседневный пример не решает загадку сознания, но возвращает тело в центр разговора. В моей гипотезе оно участвует в формировании опыта: какие ощущения доступны, что запоминается, как связываются события. Поэтому изменение работы мозга касается самой формы переживания.

Майкл Шартнер и коллеги в исследовании 2015 года анализировали ЭЭГ семи участников при введении пропофола. Изученные показатели сложности были ниже в состоянии, которое исследователи классифицировали как потерю сознания, чем при бодрствовании. Маленькая выборка и конкретный протокол ограничивают обобщение. Но сам результат показывает, насколько предметно можно изучать связь состояния человека с организацией мозговой активности.

Другой подход представлен работой Аденуэра Казали и коллег 2013 года: исследователи предложили индекс сложности ответа мозга на магнитную стимуляцию. Здесь уже можно сравнивать наблюдения: насколько сложен ответ мозга и как он меняется при разных состояниях человека. Они не измеряют количество предполагаемого космического сознания в человеке.

Теорий при этом несколько. Анил Сет и Тим Бейн сравнивают четыре влиятельных подхода и обсуждают, как сделать их проверку более содержательной. Например, теория интегрированной информации Оидзуми, Альбантакис и Тонони предлагает определённую связь опыта с причинной организацией системы. Это самостоятельная теоретическая программа; она не тождественна предположению о едином поле.

Мне здесь интересен переход от вопроса «где хранится сознание?» к вопросу «что делает возможным определённый опыт?». Найти место ещё недостаточно. Нужно понять, благодаря чему ощущения складываются в один переживаемый мир, воспоминания связываются друг с другом, а собственная боль отличается от сообщения о чужой. Для образа волны это решающий вопрос: что поддерживает её как одну жизнь изнутри?

Модель мозга как «приёмника» тоже потребовала бы объяснения: что он принимает, как взаимодействует с основанием и чем её предсказания отличаются от других моделей. Без этого знакомое техническое слово лишь переносит загадку на следующий уровень.

Поэтому образ складки сохраняет роль тела полностью. Если меняются условия формы, меняется её проявление. Какая метафизика лучше всего объясняет эту зависимость - отдельная задача. Её нельзя решить одним удачным сравнением.

VII. Родственные образы и неудобные различия

Мысль о формах общего основания встречается в разных традициях. Но именно различия между ними помогают понять, что утверждаю я сам.

В шестой части «Чхандогья-упанишады» Уддалака объясняет Шветакету связь множества глиняных вещей с глиной. Разные имена не отменяют общей основы. Позднее звучит формула *tat tvam asi*: «Ты есть То». Это религиозно-философский текст, важный для последующей веданты. Его нельзя без остатка перевести на язык физического поля, но близость вопроса о форме и основании здесь очевидна.

Спиноза в первой части «Этики» пишет: «Всё, что существует, существует в Боге». Отдельные вещи понимаются как модусы - определённые состояния единой субстанции. При этом Бог у Спинозы не человек, увеличенный до размеров мира. И его система не сводится к утверждению, будто Вселенная думает тем же способом, каким думаю я.

Ещё иной образ появляется у Ибн Араби в главе об Адаме из «Гемм мудрости»: мир сопоставляется с зеркалом, а человек - с его полировкой. Через этот образ говорится о Божественном самораскрытии. Человек важен как участник такого раскрытия, а не просто как очередная отдельная вещь. Эта мысль созвучна моему вопросу, хотя её богословский смысл гораздо определённее образа поля.

Буддийский текст SN 22.59 создаёт полезное сопротивление этим сближениям. В нём форма, чувство, восприятие, волевые образования и сознание рассматриваются через принцип *anattā*, «не-я»: «Это не моё; это не я; это не моё я». Отказ считать переживания постоянным владельцем не требует постулировать за ними всеобщее вечное Я. Поэтому буддизм нельзя просто добавить к списку подтверждений космопсихизма.

Плотин тоже не позволяет слишком быстро объявить все основания одним и тем же. Его Единое предшествует Уму; оно не является огромным экземпляром знакомого нам мышления. Эпиграф этой статьи важен именно своей второй половиной: источник не совпадает ни с одной отдельной вещью.

Сходящаяся точка получается точнее, если оставить ответы разными. Эти тексты предлагают пересмотреть самодостаточность отдельного «я». Но после этого пересмотра они ведут в разные стороны. Мой образ складки вступает с ними в разговор, а не наследует автоматически их авторитет.

VIII. Когда складка расправляется

Внутри предложенной гипотезы смерть означает прекращение условий отдельного переживания. Форма больше не удерживается, но вопрос о её основании остаётся открытым.

Здесь легко сказать: сознание вернулось в поле. Но представим волну, гребень которой опустился и больше не различим. В какой момент она вернулась в море? Такого момента нет: она всё время была его движением. Со складкой происходит то же самое - ткань не принимает обратно то, что её никогда не покидало. Заканчивается определённая форма, тогда как другие могут сохраняться.

Поэтому слова «поле успокаивается» я бы отнёс к завершению именно этого проявления. Утихла одна волна; из этого не следует, что всё море стало гладким. И «непроявленное состояние» здесь не означает, что где-то сохранился человек, который лежит в темноте и отдыхает до нового рождения. Я предполагаю отсутствие данной частной перспективы. Есть ли у самого основания какое-либо переживание такого состояния, мы из образа не узнаём.

Но что тогда сохраняется из человека? Джон Локк, обсуждая личное тождество во второй книге «Опыта о человеческом разумении», связывает его с продолжением сознания, обращённого к собственным прошлым действиям. Дерек Парфит позднее исследует случаи, в которых психологическая преемственность и вопрос строгого тождества расходятся. Их доводы различны, но оба помогают не смешивать сохранение основания с продолжением конкретной личности.

Здесь возвращается вопрос о душе. Если душой мы назвали эту сознательную волну, то её дальнейшая судьба остаётся отдельной загадкой. Сохранение моря ещё не означает сохранения каждого его движения. Можно допустить, что общее основание снова проявится, и всё-таки не знать, продолжусь ли в этом я.

Допустим, у берега поднялась волна, похожая на ту, за которой мы следили. Похожая форма не делает её прежней волной. Так и новая складка той же ткани не возвращает автоматически моих воспоминаний, обещаний, узнавания близких. Для личного продолжения нужна связь между жизнями, которую наша метафора пока не показывает. Именно здесь расходятся две надежды: чтобы способность переживать не исчерпывалась одной жизнью - и чтобы продолжилась моя собственная история.

Эпикур в письме к Менекею предлагает другой ход: «Смерть для нас ничто», поскольку связывает благо и зло с ощущением. Это философское рассуждение о страхе смерти, а не доказательство нового рождения. Оно также не отменяет боли тех, кто остаётся.

После утраты на столе может остаться любимая чашка человека. Вы привычно поворачиваетесь, чтобы что-то ему сказать, и только потом вспоминаете, что сказать уже некому. В этот момент нужна именно та встреча, именно тот голос. Даже если за всеми жизнями стоит одно основание, другой человек не займёт это место автоматически. Образ волны имеет смысл лишь до тех пор, пока помогает ценить неповторимость жизни, а не обесценивать её словами о бесконечном море.

IX. Пауза, которую некому измерять

Теперь возникает странный вопрос: сколько сознанию ждать нового проявления? Первая мысль - пусть даже миллиарды лет, если некому чувствовать их течение. Но за ней прячутся два разных предположения: что ожидание не переживается и что самого времени для основания вообще нет. Второе гораздо смелее первого.

Здесь даже образ моря приходится немного отпустить. Обычные волны поднимаются одна за другой во времени. Если я допускаю вневременное основание, я уже не могу просто перенести на него весь этот порядок. Волна помогла представить связь формы с целым; отсутствие у целого времени - дополнительная догадка, которой она не доказывает.

Но сначала полезно отделить её от более знакомой вещи: отсутствия пережитой длительности. Человек может не помнить промежуток сна или анестезии. Для часов, врачей и окружающего мира время при этом прошло. Пробел в опыте не доказывает, что времени не было; отсутствие воспоминания само по себе не доказывает даже полного отсутствия переживаний.

Августин в одиннадцатой книге «Исповеди» формулирует затруднение: «Что же такое время? Если никто меня не спрашивает, я знаю». Он исследует память, ожидание и настоящее, одновременно различая человеческое время и Божественную вечность. Это богословский и философский разговор, а не результат измерения скрытой природы сознания.

У Боэция, в пятой книге «Утешения философией», вечность также отличается от бесконечно длинной жизни. Продолжаться без конца и обладать жизнью вне последовательного прохождения её моментов - разные идеи. Даже бесконечные часы всё ещё остаются часами.

Значит, выражение «поле бесконечно долго перебирает варианты» противоречит предположению, что для него вообще нет времени. Перебор уже подразумевает порядок: этот вариант, затем другой. Чтобы сохранить исходную интуицию, можно перенести изменение к миру условий. В нём формы возникают и исчезают. Основание при этом не обязательно переживает промежутки между ними.

Тогда возможное новое проявление не предваряется субъективным ожиданием длиной в миллиарды лет. Но и слово «сразу» приходится использовать осторожно: оно обычно связывает два события для одного наблюдателя. Здесь ещё не установлены ни сохранение такого наблюдателя, ни существование второго события.

Я могу сохранить сердцевину догадки так: если появится новое переживание, а между проявлениями некому переживать время, этот промежуток не будет для кого-то долгим ожиданием. Но первое «если» никуда не исчезает. Отсутствие ожидания не создаёт следующего события. Мы просто перестаём рисовать отсутствие опыта как бесконечную ночь, которую кто-то вынужден вытерпеть.

X. Вероятность не копится, как вода

Мысль о бесконечном числе возможностей соблазняет уверенностью: однажды подходящая форма обязательно возникнет. Однако вывод зависит от устройства самих возможностей.

Представим мешок, из которого много раз достают шарик, каждый раз возвращая его обратно и перемешивая содержимое. Если шанс достать нужный шарик остаётся одним и тем же, а попытки независимы, их повторение повышает шанс хотя бы одного успеха. Математически это записывается так: при вероятности успеха p за одну попытку вероятность хотя бы одного успеха за n попыток равна 1 - (1 - p)^n. При p больше нуля и увеличении n без границы эта величина стремится к единице. Это следует из правил независимости, изложенных, например, в курсе вероятности MIT. Модель даёт вероятностный результат, а не назначает момент будущего события.

В истории Вселенной мы не вправе молча принять все её условия. Неизвестно, существуют ли бесконечные подходящие испытания, доступны ли необходимые состояния и сохраняется ли шанс их появления. Огромная длительность сама по себе не превращает невозможное в возможное. А вне времени говорить о последовательных попытках вообще нельзя без дополнительного объяснения.

Поэтому я бы изменил образ «критической вероятности». Вероятность описывает возможность события в модели; она не является запасом, который наполняется до края, после чего из него выскакивает сознание. Возможно, проявлению действительно требуется определённый порог организации. Но порог организации и высокая вероятность - разные понятия. Чтобы говорить о первом предметно, нужно назвать, какое свойство меняется и как его измерить.

И всё же сама интуиция остаётся: там, где возникли достаточные условия, может появиться перспектива переживания. В этой формулировке интерес переносится с воображаемых космических часов на условия формы. Какие связи должны поддерживаться? Как возникает единство опыта? Почему одни процессы переживаются, а другие - предположительно нет? Здесь у метафоры появляется исследовательское продолжение.

Остаётся рука, приподнимающая ткань. Возможно, формы возникают вследствие закономерностей самой реальности. Возможно, в их появлении есть случайность. А может быть, у основания есть направленность, которую уместно назвать волей. Но способность чувствовать ещё не означает намерения создать именно эту жизнь. Между ними нужен отдельный довод.

В этом отношении волна даже удобнее складки: чтобы её представить, не приходится сразу воображать руку над поверхностью. Достаточно движения самого моря. Это не доказывает отсутствия замысла. Просто позволяет не решать вопрос о создателе одним неосторожным жестом собственного воображения.

XI. Что это значит на практике

После всех этих рассуждений хочется вернуться из бескрайнего поля в обычный день. В телефон приходит сообщение. На кухне кто-то ждёт ответа. Вечером предстоит непростой разговор. Что меняет образ волны здесь, где нужно не объяснять Вселенную, а быть рядом с конкретным человеком?

Допустим, знакомый резко отвечает на безобидное сообщение. Первая версия возникает быстро: он пренебрегает мной. Образ складки предлагает задержаться на мгновение. У него есть внутренний мир, часть которого сейчас мне недоступна. Это не оправдывает

любую резкость. Но позволяет ответить на реальную ситуацию, предварительно уточнив её, вместо того чтобы спорить с собственной догадкой о чужом намерении.

У Догэна в «Гэндзёкоан» есть формула: «Изучать себя - значит забыть себя». В контексте дзен она связана с практикой и освобождением от самофиксации. Для повседневной жизни я читаю это так: иногда можно перестать проверять каждое событие вопросом «А что это говорит обо мне?» и заметить, что происходит с другим. Это не обязанность исчезнуть ради чужого удобства.

Сочувствие вообще не требует предварительного доказательства единого сознания. В исследовании Хелен Венг и коллег после двухнедельного обучения состраданию участники проявляли больше альтруистического поведения в экспериментальной игре, чем группа активного сравнения. Это ограниченный результат конкретного исследования, не обещание общего преображения. Он лишь напоминает: отношение к чужому переживанию можно исследовать и развивать в поступках.

Для себя я бы оставил три простых вопроса. Что сейчас действительно происходит со мной? Какую часть истории другого я ещё не знаю? Какое действие одновременно учитывает его переживание и сохраняет мою ответственность за собственные границы? Иногда таким действием станет забота, иногда уточнение, иногда отказ. Общее основание, если оно существует, не выдаёт никому права распоряжаться чужой жизнью.

Особенно важно не говорить человеку в горе, что его боль - иллюзия отдельности. Конкретное переживание не становится незначительным оттого, что мы допускаем его связь с целым. Ткань не отменяет складку, море не отменяет волну. Если словом «душа» мы назвали эту неповторимую жизнь изнутри, то обращаться с ней как с чем-то несущественным особенно странно. Возможная вечность не заменяет разговор, который ещё можно успеть провести сегодня.

Я возвращаюсь к утреннему образу. Сначала была складка, которая получила имя. Теперь я вижу в ней ещё и волну: она меняется, откликается на встречи, несёт свою историю и не может удержать каждое мгновение навсегда. Возможно, задача такой жизни - не расправить себя раньше времени и не превратиться в неподвижный памятник собственной личности. Можно учиться жить свою неповторимость: заботиться, отказываться, любить, пересматривать то, в чём был уверен.

Мне нравится мысль, что для принадлежности целому не нужно сначала исчезнуть. Пока волна существует, её движение имеет значение. Пока человек жив, имеет значение то, что происходит с ним и между ним и другими. Даже если однажды море примет совсем другую форму, эта возможность жизни дана нам сейчас.

Я не знаю, устроено ли сознание именно так. Но теперь моя догадка звучит яснее: возможно, отдельное «я» - это способ, которым единое становится чьей-то жизнью. Если так, нам не нужно когда-нибудь заслужить возвращение к единству. Возможно, мы никогда его не покидали - просто научились узнавать себя по очертаниям собственной волны.

Ключевая цитата

> *«Всё живущее во времени движется от прошлого к будущему; ничто находящееся во времени не может охватить всю свою жизнь сразу».*
>
> *Боэций. «Утешение философией», V, проза 6. Перевод фрагмента по английскому переводу I. T. (1609), пересмотренному X. Ф. Стюартом; издание 1918 года. Текст.*

Связи между традициями и исследованиями

Общий вопрос	Сопоставление	Что сближается и где остаётся граница
Как форма связана с основанием?	Глина в «Чхандогье»; модусы Спинозы; складка и волна	Различимость не равна самостоятельности. Религиозное основание, субстанция и гипотеза сознания не тождественны.
Как единое допускает множество?	Единое Плотина; зеркало Ибн Араби; космопсихизм Шани	Общая постановка вопроса о проявлении. У каждого автора собственная метафизика; у Плотина Единое выше Ума.
Почему опыт принадлежит кому-то?	Поток Джеймса; перспектива Нагеля; минимальное «я» Галлахера	Личная данность опыта требует объяснения. Она не доказывает ни общего субъекта, ни независимых душ.
Что поддерживает конкретное состояние?	ЭЭГ Шартнера; индекс Казали; теория Оидзуми и коллег	Организация мозговых процессов существенна для исследования сознания. Ни один из этих методов не измеряет «космическое поле».
Что значит ослабить отдельность?	«Ты есть То»; буддийское anattā; практика Догэна	Пересмотр привычного самоотождествления. Вечное основание веданты и буддийское «не-я» сохраняют различие.
Что может продолжиться?	Тождество у Локка; преемственность у Парфита; душа как сознательная волна	Сохранение основания и появление похожей волны ещё не означают продолжения этой души или личности.
Вечность - это много времени?	Августин; Боэций; гипотеза вневременного основания	Отсутствие последовательности отличается от бесконечной длительности. Из него не следует повторное рождение.

Первоисточники и исследования

Ссылки ведут к текстам, авторским работам, научным публикациям и указанным переводам. Для больших книг проверены относящиеся к статье фрагменты. Где доступ ограничивался аннотацией, это отмечено. Короткие русские цитаты переведены для этой статьи с указанных английских текстов и не выдаются за цитаты из опубликованных русских переводов.

1. Плотин. The Six Enneads, V.1-2. Перевод Stephen MacKenna. Единое, Ум и происхождение множества; эпиграф и раздел VII. Проверены соответствующие фрагменты.

2. CERN. Where does the Higgs boson come from?. Физическая связь бозона и поля Хиггса; раздел III. Прочитан материал CERN, не философская интерпретация.

3. David Tong. Lectures on Quantum Field Theory. Курс Кембриджского университета; разделы о квантовании, вакууме и частицах. Физическая рамка раздела III. Доступ к PDF через веб-инструмент был нестабилен; проверены индекс курса и доступные фрагменты.

4. Itay Shani. Cosmopsychism: A Holistic Approach to the Metaphysics of Experience. Philosophical Papers, 44(3), 389-437, 2015. Проверена аннотация издателя; используется только сформулированная в ней исходная позиция, раздел IV.

5. Thomas Nagel. What Is It Like to Be a Bat?. The Philosophical Review, 83(4), 435-450, 1974. Субъективная перспектива; раздел IV. Проверен текст статьи в университетской копии.

6. David J. Chalmers. Facing Up to the Problem of Consciousness. Journal of Consciousness Studies, 2(3), 200-219, 1995. Различение функций и субъективного опыта; раздел IV. Авторская полная версия.

7. William James. The Principles of Psychology, vol. I, chapter IX. 1890. Личный характер потока мысли; раздел V. Проверен соответствующий раздел, включая контекст цитаты.

8. Shaun Gallagher. Philosophical conceptions of the self: implications for cognitive science. Trends in Cognitive Sciences, 4(1), 14-21, 2000. Минимальное и повествовательное «я»; раздел V. Проверена индексированная аннотация, полный текст не проверен.

9. Matthew Botvinick, Jonathan Cohen. Rubber hands ‘feel’ touch that eyes see. Nature, 391, 756, 1998. Телесное самоотнесение; раздел V. Проверена аннотация издателя; количественные эффекты не пересказываются.

10. Michael Schartner et al. Complexity of Multi-Dimensional Spontaneous EEG Decreases during Propofol Induced General Anaesthesia. PLOS ONE, 10(8), e0133532, 2015. Семь

участников, показатели сложности ЭЭГ; раздел VI. Проверены методы, результаты и рисунок 7.

11. Adenauer G. Casali et al. A theoretically based index of consciousness independent of sensory processing and behavior. Science Translational Medicine, 5(198), 198ra105, 2013. Индекс сложности ответа мозга; раздел VI. Проверена аннотация, полный протокол здесь не разбирается.

12. Anil K. Seth, Tim Bayne. Theories of consciousness. Nature Reviews Neuroscience, 23, 439-452, 2022. Сопоставление четырёх теоретических подходов; раздел VI. Проверены доступные аннотация и глоссарий. Это обзор, не отдельный эксперимент.

13. Masafumi Oizumi, Larissa Albantakis, Giulio Tononi. From the Phenomenology to the Mechanisms of Consciousness: Integrated Information Theory 3.0. PLOS Computational Biology, 10(5), e1003588, 2014. Пример отдельной теоретической программы; раздел VI. Проверены аннотация и вводная постановка.

14. Chāndogya Upaniṣad, VI. Перевод F. Max Müller, Sacred Books of the East, vol. 1, 1879. VI.1.4 и VI.8.7: глина и tat tvam asi; раздел VII. Проверены соответствующие фрагменты исторического перевода.

15. Benedictus de Spinoza. Ethics, Part I. Перевод R. H. M. Elwes. Определения III-V, положение XV; раздел VII. Субстанция и модусы. Проверены текст и контекст цитаты.

16. Ibn Arabi. Fusus al-Hikam, Chapter on Adam. Перевод Bulent Rauf при участии Rosemary Brass и Hugh Tollemache, через османский комментированный текст; публикация Muhyiddin Ibn Arabi Society. Мир как зеркало; раздел VII. Прочитан доступный фрагмент.

17. SN 22.59. Pañcavaggi Sutta / Anatta-lakkhaṇa Sutta. Перевод Ṭhānissaro Bhikkhu, 1993. Принцип «не-я» применительно к пяти совокупностям; раздел VII. Проверен полный текст данной версии перевода.

18. John Locke. An Essay Concerning Human Understanding, II.XXVII. §§ 9-10 и соседние фрагменты. Личное тождество и продолжение сознания; раздел VIII. Проверен оригинальный английский текст.

19. Derek Parfit. Personal Identity. The Philosophical Review, 80(1), 3-27, 1971. Психологическая преемственность и тождество; раздел VIII. Проверена университетская копия статьи.

20. Epicurus. Letter to Menoeceus. Перевод Robert Drew Hicks. Аргумент об ощущении и смерти; раздел VIII. Проверен текст письма.

21. Augustine. Confessions, book XI. Перевод E. B. Pusey. Время, память и вечность, в частности XI.14; раздел IX. Проверены соответствующие фрагменты.

22. Boethius. The Consolation of Philosophy, V, prose 6. Английский перевод I. T. (1609), пересмотренный H. F. Stewart; издание 1918 года. Отличие вечности от длительности; раздел IX и ключевая цитата. Проверены английский и сопоставленный латинский фрагменты.

23. MIT OpenCourseWare. 18.05: Introduction to Probability and Statistics, Spring 2022. Материалы по независимости и дискретным распределениям. Основание условной математической модели раздела X; вывод формулы выполнен в статье. Проверены относящиеся к ней учебные разделы.

24. Dōgen. Genjōkōan / Actualizing the Fundamental Point. Перевод Robert Aitken и Kazuaki Tanahashi, редакция 2000 года; первый текст в подборке восьми переводов. Раздел XI. Проверены фрагмент о самоисследовании и его контекст; восемь переводов не считаются восемью независимыми источниками.

25. Helen Y. Weng et al. Compassion training alters altruism and neural responses to suffering. Psychological Science, 24(7), 1171-1180, 2013. Сострадание и поведение в экспериментальной задаче; раздел XI. Проверены дизайн, активная группа сравнения и поведенческий результат; это не проверка космопсихизма.

Теги

сознание, единое сознание, поле сознания, космопсихизм, философия сознания, субъективный опыт, перспектива, индивидуальность, личность, эго, эгоизм, телесность, мозг, нейронаука, квантовая теория поля, вакуум, метафора, единство, недвойственность, веданта, Упанишады, буддизм, anattā, Спиноза, Плотин, Ибн Араби, Догэн, смерть, личное тождество, время, вечность, вероятность, сострадание, личные границы, волна, душа, United Wisdom

Про авторов

Andrey Zarinsh - автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины.

Instagram: @andrey.zarinsh

Maria Evilkut - соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами.

Instagram: @ilkutki